

Долгая дорога в Тикси .

¹ Редакторская правка минимальна, что обусловлено желанием сохранить оригинальный стиль автора.

- [Отъезд из Москвы](#)
- [Ленинград](#)
- [Мурманск](#)
- [Плавание](#)
- [Тикси](#)

15 июля 1935 г.

В этот день я должен уехать на работу в Арктику. С утра я вместе с Борисом был в фотографии. После я один съездил в управление: довел до сведения ребят, что я выезжаю сегодня в Ленинград, а также ещё попрощался с остальными сотрудниками. [После] я направился домой, настроение у меня было бодрое. Мне так хочется как можно быстрее добраться до Ленинграда!

К вечеру у меня в комнате собрались мои провожающие, так как я устроил небольшой стол в связи с отъездом.

Здесь были: Галина и Татьяна Фетисовы, Таня Калашникова, Шура Шеметова, Клавдия Гудкова, Ася Ганина, Полина Муравьева, Борис Фетисов, Виктор Рослов, [моя] сестра Зина, её муж Ваня. Позднее пришли Нюра и Лида Грибковы и Таня Журавлева. После чая мы направились [к станции] на поезд, взяли патефон, чтобы поиграть в последний раз около станции. Костя почему-то не пришел, причину я не знаю.

В 6 часов вечера мы отправились со станции «Трикотажная» на Октябрьский вокзал. Добрались до вокзала благополучно. В 8 часов вечера началась посадка на поезд. Вся наша компания вышла на перрон. И ещё к этому времени прибыли Мария Буданова и Клавдия.

8 часов 40 минут. Мой спутник до полярной станции Юрий Романенко ещё не прибыл, что меня сильно волновало. И только за 10 минут до отхода поезда он приехал. Мы уложили вещи в вагоне и вместе вышли на перрон.

Оставалось 5 минут до отхода поезда.

Я со всеми попрощался и вошел в вагон. 9 часов вечера. Гудок – и поезд медленно отходит от Москвы. Все быстрее и быстрее он набирает скорость, а я, стоя у окна, в последний раз машу белой фуражкой всем моим знакомым, остающимся в Москве. Но поезд все быстрее и быстрее идет. Позади осталась Москва, потом Сходня, а затем первая остановка – Клин.

Стемнело, но спать не хочется. Чувствую, как далеко моя родина, село и все мои знакомые. Какие-то мечты и чувства не дают покоя, и так проходит вся ночь.

На утро приехали на станцию Любань. Оказалось, что у нашего вагона загорелись буксы, его пришлось отцепить, а нам со всем нашим багажом пришлось сделать пересадку в другой вагон.

Но вот поезд подходит к городу Ленинграду. Тихо подходит к платформе и затем останавливается.

Первое, что мы решили – это сдать громоздкие вещи в багаж. Так мы и сделали. После этого, захватив с собою шинель и саквояж, я вместе с Юрием отправился искать его дядю, проживающего на улице Глинки. Его адрес дала его бабушка, которая живет в Москве. Легко добравшись до этой улицы, мы стали разыскивать дом № 19, как было в адресе. Но к нашему удивлению этого дома почему-то не оказалось. Тогда мы обратились к ближайшему милиционеру. Он сказал, что этого дома не существует. Положение меняется. Будучи в шинелях да неся ещё груз [с собой], мы, мокрые от пота, всё-таки решили не сдаваться.

У нас был адрес нашего товарища, который тоже должен был зимовать вместе с нами. Оказалось, это не так далеко. Пришлось идти пешком. Мы нашли его дом и стали медленно подниматься по лестнице, ведя разговор о том, как хорошо сейчас мы отдохнем, но... стучимся, нам открыли, спрашиваем товарища Николаенко, и оказывается, он сегодня за 2 часа до нас выехал в Мурманск!

Положение безвыходное. Оставляем шинель и вещи здесь. Едем дальше, обратно на вокзал в справочное бюро, чтобы найти дядю. Через час нам дают адрес. Оказалось, что номер дома не 19, а 9. Это квартира № 19. Мы очень обрадовались, что нашли наконец дом и квартиру. Стучимся и узнаем, что дядя только вчера выехал в Москву, и нас пустить в комнату не разрешила бабушка. После этого мы были кое у кого из его родных, но безрезультатно. Выхода нет.

Сильно измучившись, мы добрались до гостиницы. Оказалось, есть свободная комната на двоих за 22 рубля в сутки. Остались на 3 суток. Как только мы добрались до кровати, мы крепко уснули.

17 июля 1935 г.

Встали в 10 часов, сходили покушали, потом направились [гулять] по городу. Как мне понравился город Ленинград с его рекой Невой! К вечеру садимся на пароход «Пятилетка» и едем в Петергоф. Ехать пришлось Финским заливом. Петергоф гораздо красивее Ленинграда: замечательный парк, фонтаны. Там мы гуляли не очень долго (часа три) и вечером вернулись обратно в город.

Вечером, с 12 часов до 3 утра были в ресторане, наблюдали за танцующими парами, а также ещё танцевал мой приятель Юрий. Пришедши в комнату, мы снова погрузились в сон после этой замечательной прогулки.

18 июля [1935 г.]

Проснулись около 1 часа дня, сходили на вокзал, покушали и сели писать письма и дневник. После этого мы снова надумали поехать в Петергоф на пароходе.

Петергоф отстоит от Ленинграда в 30 – 25 км, и чтобы туда попасть, надо ехать на пароходе, поезде или автобусе. Мы решили ехать пароходом. Это гораздо интереснее, так как приходится ехать Финским заливом.

По приезде в Петергоф мы взяли вместе с Юрием лодку напрокат и поехали по заливу, далеко отойдя от берега. О, как красиво быть в море (заливе)! Как хорошо, когда волны плавно подкидывают лодку, как бы укачивая нас на воде. После поездки по заливу мы направились гулять по парку.

Здесь были танцы под духовой оркестр. Танцуют безобразно плохо. Девчат много, но, видно, мало выдержанные. Много матросов, одетых чисто, гуляющих вместе с девчатами по парку. Жалко, что мы здесь последний день, а то можно было бы познакомиться с кем-либо из девчат.

Обратно мы решили ехать на автобусе, для того чтобы было больше разнообразия. На автобус сели в 10 ч 30 мин вечера и приехали на Невский проспект в 12 ч ночи. Но никак не верится, что [сейчас] 12 ч, так как ещё сейчас стоят белые ночи и очень светло даже в 12 часов, а с двух часов начинается рассвет.

Немного прошлись по Невскому проспекту, потом сели в трамвай, доехали до гостиницы и, приняв ванну, в 1 час ночи мы уснули крепким сном.

19 июля 1935 г.

Сегодня мы решили сходить ещё раз [погулять] по городу и поехать дальше – на север, в город Мурманск.

Первое наше посещение было в Эрмитаже (Древнее искусство). Здесь нам очень всё понравилось, но ввиду того, что мыло времени, мы не могли тщательно проглядеть все экспонаты.

Были на площади Урицкого, то есть на той площади, где 9 января пятого года расстреливали рабочих. Зимний дворец закрыт на ремонт, и нам в нем не пришлось побывать. Далее мы двинулись в Исаакиевский собор. Взобравшись на самую высоту собора, мы долго в прощальный раз смотрели на город. Замечательно всё видно, но время своё берёт, ведь сегодня мы должны покинуть этот города! И мы тихо сошли с башни.

Последний пункт наш был – это ещё полюбоваться Медным Всадником (памятник Петру Великому).

Севши на трамвай, проехали весь Невский проспект. Мы подъехали к вокзалу. Здесь, на вокзале, взяли билеты на «Полярную стрелу» до Мурманска [и] вернулись в свою гостиницу.

Расплатились с гостиницей. Мы снова на вокзале. Садимся в вагон. В 11 ч 30 мин вечера поезд медленно отходит от Ленинграда, и снова какое-то волнение охватывает мое сердце. Чувствую, как далеко теперь мои родные и знакомые. Вспоминаю о Саше: ведь где-то далеко от меня он жив и, наверное, вспоминает меня, но, конечно, я его долго не увижу. Где-то мой друг Борис тоже не раз вспомнит меня, а также и моя близкая Ава Гусева... Но хватит. Всё равно сейчас мечтать не стоит, что будет после двух полярных лет, которые ещё впереди, а сейчас под такт колес можно подумать о дальнейшем пребывании в Мурманске на пароходе, но [всё] напрасно: всё-таки снова мечты и воспоминания о Спасе, о трикотажной фабрике, о качелях, на которых я ещё не так давно качался вместе с Павликом и Борисом... Но хватит об этом. ...

Проснувшись в поезде, наше первое внимание было обращено на местоположение

нашего поезда. Кругом лес, часто попадаются болота и озёра. К вечеру проехали Онежское озеро. О, какое оно красивое и большое!

Ехать в поезде нам уже надоело, и последнюю ночь мы почти не спали, так как сильно ждали города Мурманска. Ещё рано на рассвете 21 июля мы увидели много гор, лес стал мельче, и мы уже находились за полярным кругом.

Стало больше гор, но меньше леса. Дорога очень кривая, имеет частые повороты. Но вот остановка Хибиногорск, теперь г. Кировск, и снова в путь. Всё горы и [всё] меньше леса, а если и есть, то очень мелкий.

Но вот [стало] видно реку. Поезд быстро к ней подходит и как будто бы вот-вот со стремительной силой врежется в неё. Но нет, поезд извивается так же, как река.

Но вот объявили, что следующая остановка – Мурманск. Наконец мы дождались! Компания наша увеличилась, так как из Ленинграда тоже много народу (молодежи) ехало на станцию Тикси. Здесь и механик, радист и аэролог, и т.д.

В городе мы устроились в доме туристов – очень удобно. Сам городок интересного после Ленинграда ничего не представляет: несколько каменных зданий, а остальные – это деревянные дома временного типа. Много комаров.

Вот приходит вечер. Уже 11 ч ночи, но странно: на улице так же светло, как и днем и солнце не заходит.

В эту ночь должен отойти пароход «Крестьянин» на остров Диксон, на который едут мои приятели: Виктор (повар), Ваня Демьянов, Нина Бондарева и много других. Слышим гудок. Пароход медленно отходит от пристани. Затем загудели сирены, снова гудок и затем опять сирена, а пароход всё дальше и дальше. Мы долго ему смотрим вслед, махая фуражками, и думаем, что ведь через несколько дней мы тоже покинем порт и отправимся в холодные воды Арктики...

22 июля [1935 г.]

Весь день проводили около своего парохода «Товарищ Сталин» и ходили по городу. Вообще мне город не нравится: нет хороших зданий, много пыли.

23 июля [1935 г.]

Также хождение по городу, но все одно и то же примерно. Узнали, что 24 июля мы должны выйти в плавание.

24 июля [1935 г.]

Самый замечательный день в моей жизни: в этот день отходит наш пароход «[Товарищ] Сталин» в плавание. Ещё утром к нам на базу приехала автомашина. Захватив все вещи наших зимовщиков, она поехала в порт, а мы сзади машины шли в бюро пропусков, для того чтобы попасть на пароход.

Отход назначен в 18 часов, и по приказу мы должны были быть к этому времени на борту парохода. Последние мои закупки на Большой Земле были: одеколон, мыло, зубной порошок и шоколад.

Мы явились к назначенному времени, и оказалось, что погрузка ещё не окончена, и мы все вместе принялись [грузить] последний груз.

Пароход наш представляет собой лесовоз и к перевозке пассажиров не приспособлен, поэтому для жилья до зимовки нам предоставили бункер, т.е. приспособили его для жилья.

Устроились прилично и ждем отплытия парохода. Прощальные флаги вывешены на всех судах, стоящих в порту, и около 21 часа под звук оркестров от порта отходят суда «Ванцетти» и «Искра». Они медленно разворачиваются и становятся на рейд.

Наш пароход ещё не отправляется, но вот в 23 час 10 минут так же под звуки оркестра

мы отходим от причала. Как тяжело в этот момент! Сразу вспомнил проводы в Москве, но здесь было тяжелее. Родные и знакомые прощались. И хочется со всеми попрощаться, и я всматриваюсь в массу [людей] и я не нахожу ни одного моего близкого знакомства, которому я бы пожал руку.

Но чувство коллектива всё побеждает. Нам всем желают «счастливого пути». Мы вместе со всеми переживаем одно чувства: что у нас на пароходе, [что] у товарищей на пристани.

У нас общий коллектив, и мы вместе можем больше сделать. Все мы знаем: предстоящие трудности впереди, как во время плавания, так и во время зимовки, но мы их не боимся. Мы знаем, что за нами следят все государства мира: за нашей работой и достижениями в Арктике. Мы чувствуем, как тепло и внимательно относится к нам и к нашим семьям наша партия ВКП(б), руководимая любимым вождем мирового пролетариата товарищем Сталиным. Я очень рад, что мне выпала такая громадная и ответственная работа в Арктике –изучение метеорологических элементов на Севере. Я приложу все свои знания и силы, для того чтобы Северный путь был окончательно освоен, и моя доля этого труда будет служить нашей великой Родине.

После отплытия от пристани пароход встал на рейд, пришла комиссия по приему корабля, а затем представители из НКВД, и около 4 утра наш корабль пошел по Кольскому заливу к выходу моря. Мы, сильно измучившись, легли спать, решив, что до моря плыть часов пять, а затем [мы сможем] в последний раз посмотреть на берег, который [затем] надолго скроется от нас.

Проснувшись утром, я сразу вышел на палубу, чтобы узнать местоположение корабля, и оказалось, что мы стоим почти у самого выхода в море. Здесь в последний раз проверяют крепления и компас, а я, решив воспользоваться этим моментом, что стоим, сижу вот на корме и пишу дневник. В некотором расстоянии в стороне от нас виден о-в Кильдинг, на котором имеется заповедник. Пароход несколько покачивает, так как с Баренцева моря дует ветер и волны, ударяясь о палубу, с шумом откатываются назад. Вообще Баренцево море встречает неприветливо: пароход всё сильнее и сильнее раскачивает. Через несколько часов мы тронемся дальше в путь.

25 июля [1935 г.]

Весь день плывем в Баренцевом море. Ещё виден по пути берег Кольского

полуострова, но к вечеру он исчезает.

Море волнуется и сильно качает пароход. Как приятно сидеть на корме или на носу и смотреть, как сильные волны ударяют о борт парохода и мощно отталкиваются от него, оставляя большой след пены сзади парохода.

Подходит вечер, но странно: здесь и вовсе солнце не заходит. Видно, как оно, большое, красное, катится по горизонту, и совсем-совсем светло. И мы долго не уходим с палубы, любясь волнующимся морем.

Поздно вечером полетело радио в эфир, в наше управление от меня, следующего содержания: «Москва. Главсевморпуть. Звереву . Подтвердите наличие комсомольских документов Балыгина, курсанта полярных курсов. Балыгин.»

26 июля [1935 г.]

Борт парохода «Сталин». Кругом море, волны ещё не успокоились, с такой силой они ударяют о борт. Несильно качает. Утром в 9 часов – чай. После кто что хочет, тот тем и занимается. Ходим смотреть на море. Время идет пока быстро. Иногда вспоминаю своих, но снова слышу волны, снова они разбивают мои мысли так же, как сами разбиваются о борт.

В два часа дня обед. После обеда пошли на нос, смотрели снова в море. О, как оно красиво!

Навстречу попало нам судно, и, попрощавшись гудками, оно осталось позади. Когда волны отскакивают от борта, то получается красивое зрелище. Когда светит солнце: в разных цветах в форме радуги извивается [оно] на море.

На пароходе имеется фотограф, который сегодня сфотографировал нас шесть человек. А потом мы снялись вдвоем с девушкой, которая замужем: она не хотела сниматься, так как всё-таки неудобно будет перед мужем. Но тогда мы приступили с силою к этому делу: один её держал сзади, я стоял сзади неё, и так мы

сфотографировались.{phocagallery
view=category|categoryid=4|imageid=104|detail=1|overlib=3}
Вечером в семь часов ужин, и в 10 часов – чай и на покой.

Плохо только одно, что, во-первых, я не знаю, получают ли письма мои родные и знакомые, и во-вторых, я сейчас ничего не знаю о моих родных и знакомых. Вспоминаю также Аву, которая осталась в Спасе, и сейчас она тоже начала работать, так как отпуск кончился. Где-то в Спасе мои друзья – Борис, Павлик – а ещё где-то Леша Кадынов ... Как мне хочется хотя бы некоторое время побыть вместе, поговорить, сходить на качели, сыграть и так далее.

И вот, под звук волн спокойно лежишь в койке, и тебя укачивает как в люльке. Стало заметно холоднее. Обязательно надо надевать шинель, иначе продует.

Море имеет вид невзрачный, и вода свинцового цвета, а всё-таки как красиво первое время смотреть на море!

27 июля [1935 г.]

Сегодня утром прошли с севера остров Колгуев, а впереди снова море. Волны ещё не успокоились, а мне кажется, даже ещё больше стали. Сегодня опять посетили нос парохода. О, как хорошо было стоять! Смотришь туда, вдаль... Где-то далеко должна пока-заться земля, но до неё так далеко, и вдруг тебя обдаёт брызгами морской воды, и ты снова ещё крепче держишься за перила, чтобы ветер не мог сорвать [тебя], а волны [не смогли] унести [тебя] в бушующее море.

Ветер становится сильнее: он насквозь доходит до тела, и невольно снова вспоминаются теплые солнечные дни на далёкой родине ... Но пароход не сдаётся: всё-таки волны расступаются перед ним, и мы всё ближе и ближе подходим к намеченной цели.

Позади нашего парохода идет пароход «Михаил Томский». У них идет соревнование с нашим пароходом: кто быстрее достигнет острова Диксон, тот быстрее встанет под погрузку и быстрее уйдет в дальнейший путь, а это очень выгодно для корабля, так как в Арктике дорог каждый час, то есть больше шансов на обратное возвращение судна,

чтобы не зазимовать во льдах. Ну что ж, посмотрим, кто придет скорее.

28 июля [1935 г.]

С утра почувствовал боль в голове, сильно трясло, и мне стало ясно, что вчера, когда я находился весь день на палубе, меня продуло и я простудился, но на завтрак я всё-таки встал и покушал, и сейчас же лег обратно в постель. Обедать я не пошёл, так как чувствовал [себя] хуже, но [через] несколько часов после этого я всё-таки решил встать и по-ходить по палубе, иначе можно залежаться и заболеть сильнее.

Погода улучшилась: стало теплее и ветер стал гораздо тише, волн почти совсем нет. Пароход «Михаил Томский» стал нас догонять. [Он] находится сейчас милях в трёх от нас (1 миля = 1852 метра). Всего от Мурманска по сие место в пять часов вечера про-плыли около 640 миль (1185 км).

После прогулки самочувствие улучшается, но простуда ещё чувствуется. Ужинать не хочется, но, пожалуй, пойду, а то совсем можно ослабнуть.

Вдали к вечеру стал виден берег острова Вайгач, но мы шли вдоль его западного берега по направлению к проливу Югорский Шар, и через несколько часов, около 10 часов вечера, показался берег Югорского Шара справа, а слева бесконечно тянулся берег Вайгача. Хорошо было видно полярную станцию на Вайгаче (мыс Гребень), а недалеко – через пролив Югорского Шара – на берегу Большой Земли показались строения поселка Хабарово, и здесь мы увидели в проливе четыре судна: «Искра», «Ванцетти» и два заграничных судна. Они стояли на якорях. Также мы получили сообщение, что дальше продвигаться нельзя, так как впереди льды, и мы тоже должны ждать ледокол «Ленин». Вместе с нами встал на якорь и «Михаил Томский».

29 июля [1935 г.]

Утром пришёл ледокол «Ленин» и через час мы тронулись в путь. Всего уже стало восемь пароходов, а вместе с ледоколом – всего девять. Выстроившись друг за другом, мы тронулись дальше. Но обидно: почему-то наше судно идет сзади.

Сегодня я несу вахту: мою полы. А также я кстати выстирал белье. Получилось недурно. С нетерпением ждем первых льдов. 17 часов вечера. На грани Карского

моря уже вдали не видно берега, а справа и слева идут обрывистые скалы, а между ними лежит снег. Стало значительно холоднее, наверно, скоро будет лед. Но вот с правой стороны появилась мачта, а около неё – маленькие домики. Это – полярная станция «Югорский Шар», где в 1933-34 гг. зимовал Ваня Демьянов, который сейчас едет на о-в Диксон. Я раньше был назначен на эту станцию, но потом [мне] изменили [назначение] на Мостах. На Югорском Шаре зимовать будет мой курсант из одной группы и курсант-синоптик Носов Анатолий.

Вид станция имеет унылый: кругом голо и скалы, скучное море. Снова выхожу на палубу и люблюсь, как красиво идут девять пароходов друг за другом, впереди идет ледокол, которому предстоит большая работа: доставить нас до о-ва Диксона.

Часы по сравнению с Москвой идут вперёд на два часа. После 17 часов вдали, но уже на море, недалеко от берега показались первые льды. Они ещё небольшие, но дают ощущение начала настоящего севера. А дальше, уже, наверно, не так далеко, всё море будет покрыто льдами.

На палубе сейчас никого нет: все спрятались в помещении, заводят патефон, кто-то рассказывает анекдоты и разные шутки. По сей день скучать не приходилось. Время идет быстро.

После вечернего чая у нас устроили общее собрание команды с пассажирами. Капитан Сякки сделал сообщение о дальнейшем пути и [осветил] некоторые другие вопросы. В [разделе] «Разное» выступил наш начальник зимовки – Дмитрий Яковлевич Гонцов. Он сильно ругал всех ребят, живущих в нашем общежитии, обозвал нас «хулиганами». Правда, нехорошо, но все-таки наши ребята тоже поступали неверно, а дело вот в чем. В нашем общежитии через занавес живут пять женщин, и всё, что говорят ребята, они слышат. И вот некоторые наши чудаки не спят до двух-трех часов ночи, рассказывая анекдоты, поговорки и т.д., в частности т. Рузов Михаил, а в ночь с 28 на 29 просидели часов до трех. И вот наши девушки вздумали пожаловаться начальнику. И сегодня – [ещё] нет двенадцати часов, как уже все лежат на койках и даже свет не горит, а милый Рузов лежит тоже и молчит. Все над ним сегодня подсмеиваются: очень уж удивительно, чтобы он молчал.

30 июля [1935 г.]

Вставши утром, у нас был первый вопрос: где мы идем и есть ли лёд? Оказалось,

мы находимся в самом Карском море, а льда – сколько хочешь! Всё море покрыто льдом кругом – до самого берега. Лучи солнца, ударяясь об лёд и отражаясь, дают увеличенный свет.

Итак, мы стояли на носу до завтрака, а в 9 ч 30 мин утра завтрак. Опишу один раз наше питание подробно на сегодняшний день. К завтраку подали: колбаса московская, масло сливочное, чай, сахар и экстракт. Экстракт служит как противцинготное средство, придавая чаю сладко-кислый вкус. Также был хлеб белый, очень хороший. И кушать можешь все и сколько хочешь: норма не ограничена.

После завтрака снова на палубу, но к 11 часам утра стал появляться небольшой туман, который постоянно увеличивался, и через час он окутал нас так густо, что скрылись все пароходы. Пришлось всем пароходам встать, ожидая, когда разойдется туман.

В 13 ч 30 мин обед. Первое – суп-лапша с мясом, второе – каша рисовая с изюмом.

После обеда все поместились в общежитии. Кто-то играет на гитаре, кто-то в шахматы, шашки и т.д., но туман и «не думает» расходиться.

В 19 ч 30 мин ужин. Первое – суп вермишелевый, второе – картошка, тушенная с мясом, и третье – груши в томате. После ужина снова был на палубе: всё так же туман, даже самые близкие суда не стало видно.

В 21 ч 30 мин вечерний чай. Подали масло, белый хлеб и снова груши. Туман ещё не разошелся. Суда все пока стоят, ждут улучшения погоды. Подул ветер посильней. Думают, что туман (полярной) ночью рассеется.

31 июля [1935 г.]

Снова такой же туманный день. Стоим на месте. До какого дня будем стоять, трудно сказать. [...]

Туман рассеялся только к обеду, и мы тронулись далее. Скоро лёд кончился, и снова кругом до горизонта – вода.

1 августа [1935 г.]

С утра погода стояла хорошая. Думали, что утром или сегодня вечером будем в Диксоне, но к вечеру стал сгущаться сильный туман. Идем в тумане, и чтобы не наткнуться на подводные камни, мы сильно обошли остров Белый. Даём часто гудки, чтобы не встретиться с пароходом, и только теперь нам сообщили, что на Диксон мы прибудем завтра к обеду.

2 августа [1935 г.]

С утра туман рассеялся, море чистое. Сегодня, говорят, приедем на Диксон. Пароход идет быстро, море спокойное. С Диксона, думаю, послать телеграмму Фетисову Борису.

11 часов ночи. Видим хорошо берега Диксона. Около 12 часов ночи встали на якорь и сразу же стали производить погрузку угля. Все пассажиры разбились на три смены: первая смена – с 12 ч ночи до 6 ч утра, вторая смена – с 7 ч 30 мин до 3 часов и т.д. Я попал во вторую смену.

3 августа [1935 г.]

С утра начали погрузку. Наша задача заключалась в том, чтобы уголь с баржи наваливать в котлованы, а [уже] котлованы лебедками передавали [уголь] на пароход. Работа для меня такая в новинку и всё-таки тяжелая, да ещё после того, что [у меня] была недавно операция (аппендицит).

После того как сделали погрузку, нас хорошо покормили, и мы легли спать. После сна я почувствовал боли в области шва, а также головную боль, меня тошнило. Я позвал врача. Все были удивлены, что я не предупредил, что у меня была операция: меня тогда и не допустили бы к погрузке. Дали грелку на ночь.

4 августа [1935 г.]

Вставши утром, я чувствовал [себя] лучше, но только болела голова. Я оделся и вышел на палубу. Передо мной близко видны постройки острова, видна метеостанция,

радиостанция, и я только сейчас вспомнил, что вчера через Шимановского передал телеграмму следующего содержания: «МОСКВА, ЗАВОД 39. АЭРОКЛУБ. ФЕТИСОВУ. АРКТИЧЕСКИЙ ПРИВЕТ МАМАШЕ ТАНЕ НАШИМ РОДНЫМ АВЕ НАСТРОЕНИЕ БОДРОЕ ЗДОРОВ ЖДУ СРОЧНО ОТВЕТА ДИКСОН ПАРОХОД СТАЛИН БАЛЫГИН.» И теперь я жду и думаю, дойдет ли моя телеграмма, как они её поймут, а главное – получу ли я ответ.

5 августа [1935 г.]

Погрузка совсем окончилась. Встали на якорь, но пока продвигаться нет разрешения, так как сообщили, что мы должны ждать ледокола.

6 августа [1935 г.]

Я сильно увлекся книгой и сидел у себя в кубрике, [когда] пришел Борис Беликов и сказал, чтобы я плясал. Я сразу же догадался, что у него телеграмма, но я не стал плясать, так как не было настроения, и он мне отдал её так.

Телеграмма следующего содержания: «ДИКСОН ПАРОХОД СТАЛИН М.И.БАЛЫГИНУ. ПРИВЕТ ОТ ВСЕХ ТРИ ПИСЬМА ПОЛУЧИЛИ ЗДОРОВЫ!». Значит, телеграмма моя получена. Я остался очень доволен.

7 августа [1935 г.]

Пошли обыденные дни. Всё одно и то же. О, как надоело здесь стоять в Диксоне! Только и видишь: скалистые горы, местами снег. Сам остров Диксон небольшой, состоит из нескольких островов. Есть несколько видов цветов, но все они не пахнут. Кругом всё голо. Скучная картина.

8-9 августа [1935 г.]

Обыденные морские дни. Много собралось судов, среди них: «Ванцетти», «Десна», «Рабочий», «Куйбышев», ледорез «Литке», ледокол «Малыгин» и другие. На некоторых судах едут наши ребята с курсов на зимовку, но ввиду того, что нам пока не разрешают уходить с парохода [мы с ними не можем встретиться].

9 августа с парохода «Куйбышев» приехали два метеоролога – Кораблин и Крум – которые едут зимовать в бухту Прончищевой. Очень хорошо встретить среди таких

скучных пейзажей знакомых людей, с которыми ещё не так давно сидел вместе в аудитории в Москве, а теперь они вместе со мной едут также бороться со стихией.

На пароходе «Десна» едут метеорологи [Володя Конюшко](#) и Балюк на остров Восточный. Мне очень хочется их увидеть. Может быть, выберу момент и [тогда] буду крепко жать руку своим друзьям по учебе.

10 августа [1935 г.]

Снова звонок на завтрак. Когда сойдем с места, пока неизвестно. Говорят, в проливе Вилькицкого сплошные льды. Мы должны ждать ледокола, и только в его сопровождении мы пойдем дальше в путь. Сегодня нас снова навестили метеорологи с п/х «Куйбышев».

11 августа [1935 г.]

Сегодня после обеда мы взяли шлюпку и поехали на остров Диксон. Гребли мы минут 35.

Первым делом мы пошли на почту. Я отправил телеграмму Балыгину Константину. После этого мы пошли осматривать Диксон. Были в метеорологической комнате, в доме научных работников, и везде нам не нравилось: очень уж у всех грязно.

В пять часов вечера вернулись на пароход, где узнали, что через два часа мы отправляемся в путь.

Вчера прошла последняя погрузка. Снимаемся с якоря и сначала медленно, а затем всё быстрее уходим от берега. Идет морось. Скоро берега Диксона скроются. Обогнали пароход «Десна». На нем я увидел знакомого парня – Балюка. Он, стоя на носу, приветствовал нас.

12 августа [1935 г.]

Карское море. Берега давно уже не видно. Сегодня у нас должен быть вечер самодеятельности. Начало наметили на девять часов вечера. Я должен был выступить

вместе с Любой Чусовой (сплясать матросский танец «Яблочко») и кроме того участвовать в джазе.

После обеда мы легли отдохнуть, и я сказал Юрию, что мне не хочется выступать, так как мало времени потратили на подготовку, и вообще я не спец этого дела, и он мне предложил временно притвориться больным – до завтрашнего дня. Я так и решил.

Вскоре пришла Люба. Я ей сообщил, что очень плохо [себя] чувствую, что болит голова, и вообще, говорю, что я простудился. Она, недолго думая, пошла к врачу и взяла аспирин. Делать теперь нечего – я принял аспирин и лег спать. После чая шла усиленная подготовка к вечеру, и меня просят, что я должен участвовать в вечере, и я собрался с силами. Думаю, «будь что будет». Решил выступать.

Вечер прошел очень хорошо. Большинство [присутствующих] было несильно пьяные, а потому у них уже не было таких больших запросов. Вечер продлился до 1 ч ночи. После стали уже расходиться.

Настало 13 августа.

Как раз я сегодня дежурный на вахте, и пришлось мне вместо сна делать уборку.

13 августа [1935 г.]

Утром на чай никто не встал, так все были измучены вечером. Подъем был только в 12 часов. После обеда около 1 часа дня показались льды, но их было мало. Мы их прошли быстро, и снова на чистой воде лишь изредка попадаются небольшие льдины, которые, однако, бессильны против парохода.

Скоро и они кончились. Море стало чистое, а волны стали больше.

14 августа [1935 г.]

Изредка попадаются льдины. Когда льдина ударяет о нос парохода, то тогда весь остов его содрогается. После часа дня вошли в туман, но это тоже нам не мешает: идем полным ходом, часто даем сигнальные гудки, чтобы дать предупреждение другим судам.

К 7 часам вечера тумана не стало, и к 9 часам вечера на горизонте слева показалась земля острова Гейберга, а за этим островом – Северная Земля. И справа тоже показалась Большая Земля. Так что сегодня за ночь пройдем весь пролив Вилькицкого и мыс Челюскина и далее пойдем на Тикси.

Лёд расположен ближе к острову Гейберга до самого его основания, а сам пролив пока чист ото льдов.

15 августа [1935 г.]

Ночь была беспокойная: всё время через каждые две минуты пароход давал гудок, льдины часто ударяли о его борта, тогда весь корпус парохода содрогался. Ледорез «Литке» всё время проводит суда, которых затерли льды. Кругом лед.

Изредка вылезет из моря нерпа, покажет голову, а затем снова уйдет в море.

После 12 часов вошли в туман. Снова идём тихим ходом, часто давая гудки. Вскоре остановились. Изредка даем гудки. Теперь будем ждать, пока разойдется туман. Льда стало мало.

16 августа [1935 г.]

В три часа ночи снова пошли в путь. Утром прошли остров Самуила. После 11 часов дня снова нас окутывает туман, снова гудки и гудки, как будто бы стараемся разогнать этот туман. Иногда идем тихим ходом, но гудки так надоели: всего пять судов, и каждый гудит через 2 минуты.

К девяти часам вечера туман немного разошелся, мы пошли средним ходом. Много стало отдельных льдин, но как они изумительно красивы! Морские волны подмыли края льдин, и каких только фигур изо льда [здесь] нет! (...)

Весь этот день мы идем морем Лаптевых. Оно сейчас очень спокойное. Думаю о том,

почему нет ответа от брата. Я же ему послал радиотелеграмму, ещё когда был в Диксоне.

Сегодня около полудня наш пароход, стараясь обогнать пароход «Ванцетти» справа, шел на большой скорости и наскочил на подводную льдину. Был сильный удар. Весь корпус парохода содрогнулся. Пароход сразу встал, но никаких последствий не было, и мы снова тронулись в путь.

17 августа [1935 г.]

Ночью около пяти часов утра на смену ледорезу «Литке» пришел мощный ледокол «Ермак». Он повел нас дальше по морю Лаптевых, а «Литке» вернулся обратно обслуживать свой маршрут.

Весь день идем сплошными льдами. Ледокол идет впереди, а за ним следуют наше [судно] и другие суда: «Десна», «Искра», «Ванцетти», «Рабочий».

Около пяти часов вечера [мы] совсем встали из-за тумана и льдов. Количество льдов не изменилось.

18 августа [1935 г.]

Со вчерашнего вечера простояли до четырех часов сегодняшнего дня. Как только вернулся ледокол «Ермак» (он был на разведке), он взял два судна: наше и «Десну» – и повел нас через тяжелые льды.

Четыре часа мы шли во льдах за ледоколом, и к восьми часам наше судно вышло на чистую воду. Мы взяли последний груз с «Ермака» и, попрощавшись гудками, взяли курс прямо на Тикси, а «Ермак» пошел назад для того, чтобы вывести из льдов оставшиеся суда.

Сегодня получил от брата Константина телеграмму. Вот она: «ИЗ НАХАБИНО. ДИКСОН ПАРХОД СТАЛИН БАЛЫГИНУ. ВСЕ ЗДОРОВЫ ПРОВОДИТЬ ОПОЗДАЛ ПРИВЕТ КОСТЯ».

Меня сильно удивляет, почему телеграмма послана из Нахабино. Неужели он туда перешел работать? Ведь можно было бы послать и из Павшино.

19 августа [1935 г.]

Всё время пароход идет по чистой воде. Жизнь опять пошла по-старому. Ничего нового нет. Идет разговор, что завтра прибудем на место работы, то есть в бухту Тикси.

20 августа [1935 г.]

В эту ночь я узнал, что такое морская качка: было сильное волнение моря. Ещё со вчерашнего вечера ветер стал крепче и всё более усиливался, в итоге достигнув 7-8 баллов в самую ночь. Многие легли в постель. И так нас качало почти до утра. К двенадцати ча-сам уже более-менее стихло, и всё пошло по-старому.

21 августа [1935 г.]

С утра прошли остров Мостах – тот самый остров, на котором мне придется зимовать два года после этого. Пошли громадные горы с левой стороны, и скоро мы увидели нашу бухту.

К четырем часам мы уже совсем пришвартовались, и сразу к нам пришли старые зимовщики. Сколько они рассказывают о зимовке! Они очень довольны, что приехала новая смена и что они скоро покинут эту бухту и поедут в центр нашей замечательной родины.

Вечером мы двое, Лонговой Саша и я, поехали на катере в порт. Из порта мы пошли на полярную станцию. Она находилась в восьми км от порта. Там нам пришлось заночевать.

Получил очень хорошее впечатление о полярной станции, в особенности о метеорологической комнате. Заметно, что люди немного опустились, ходят грязные, но лучше, чем на Диксоне.

22 августа [1935 г.]

Вернулись на пароход утром. Идет полная разгрузка. Все знакомятся со старой сменой. Лебедев Д.М. сделал мне замечание, что мы без разрешения начальства уехали на берег, и предупредил, чтобы этого больше не повторялось. И лишь только тогда, когда закончится погрузка, мы покинем пароход и уедем на о-в Мостах.

27 августа [1935 г.]

Все эти дни шла разгрузка. В этой разгрузке участвовали и мы. Завтра утром нас отправят на о-в Мостах. Уже теперь решено, что нас на острове будут зимовать только трое, так как Юрий Романенко остается пока работать в порту, а потом (с 1 января 1936 г.), возможно, переедет к нам.

За время разгрузки у нас на пароходе вышел номер стенгазеты, и я выписал весь стих, посвященный качке парохода 19 августа в море Лаптевых:

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОЭМЫ

И вот уж рейс к концу подходит.

Послушать, прямо чудеса
Все критику на шторм наводят
Повсюду слышны голоса

- «Ну, что, за море?! Фи! Лоханка!!!
Бывало шторм терпела я!»
В углу пищит одна гражданка
- «Вот то был шторм!!! Вот, это, да!!!»

-«А, я, бывало, в Черном море»
В ответ ей детский бас «гудит»,
- «Когда я плавал... пассажиром
От Николаева к Потю...!!!»

- «Нет. Так не бывает дважды,
Хоть шли тогда мы на легке,
Но шторм терпели мы ужасный
У моста... на Москва реке...»

- «И ведь представьте» «Это-ж ясно...
- «Я не качалась... тоже нет?!»
И жизнь казалась так прекрасна,
И море не сулило бед

Но чу... В рядах лихих движение
Качаться начал пароход
И «пишет» друг «опровержение:
По рыбы раскрывая рот

Желудок видно возмутился
От речи лживой хвастуна
И ужин сразу очутился
На палубе... у гальюна.

Запомня очень досконально
Врача хорошенький совет
Улегся враз горизонтально
Вершитель всех морских побед

- «Ах! Ах! Держите. Мне же дурно!!!
- «Ну что за чорт, опять тошнит»
Гражданка прется прямо к урне.
О Черном море уж молчит.

- «Ох! Ах! Спасите! Умм-ираю!!!
Ну что за смех! Ну что за тон?!
Вы хам!!! Я Вас не понимаю!!!
Ну заведите же патефон!!!

«Спасите же меня от смерти
Без музыки я умереть могу...»
И ужасы гражданки мне все эти,
Наводят просто кутерьму

- «Подай воды!.. Подай экстракту!..»
Сейчас ей нужен патефон
Как по наезженному тракту
Летает муж... Вспотел уж он...

А вот одна сжимая зубы
Ногами встав на клапана
Два пальца в рот... Раскрыты губы...
И морю дань вся отдана.

А две подруги тихо... тихо...
Стоят на пару в стороне
И помаленьку «облегчаясь»
Кидают взором по волне

Все крикуны мужского пола
Давно лежат в своих кутках
Главы им не поднять уж долу
Неясна муть на их зрачках

Не мыслимо... Не постежимо...
Меня кидает прямо в страх...
Десятый час, а нет уж жизни
Ни в уголке... Ни в катерах...

На утро всё спокойно стало,
Посудой чайною звенят,

Но о штормах и океанах
Почти совсем не говорят

Уралец (Добронравов Юрий)

28, 29, 30 и 31-го – всё время шла разгрузка. И только 30 августа нас высадили на берег. 29 августа катер из порта ушел на о-в Муостах. Но в связи с сильным волнением им не удалось пристать к берегу и они вернулись обратно.

31 августа мы вдвоем с Юрием Романенко шли из порта к полярной станции (эту ночь мы провели в порту) и решили взобраться на самую высокую на нашем пути гору. Трудно нам [это] досталось, но мы достигли её вершины, и там, на высоте, где зимою дуют сильные пурги, мы легли отдыхать. День вышел на славу: тихо и тепло.

Вскоре мы решили отметить чем-либо это место и поставить знак, что здесь были люди. Мы решили найти большой камень, поставить его и укрепить его малыми камнями. Недалеко от большого камня мы нашли патрон. Мы написали на бумажке, что здесь были Балыгин и Романенко, положили эту бумажку в патрон, а патрон – под камни, и вышло у нас очень красиво. Юрий обещал эту фигуру после сфотографировать, так как мы с ним, наверное, скоро расстанемся: он должен остаться работать в порту, а я скоро уеду на остров Муостах.

Пришли мы на полярную станцию после двух часов дня. Скоро мы узнали, что топится баня, и мы с большим удовольствием согласились сходить в неё. После этого вечером мы все вместе с зимовщиками собрались в кают-компанию и устроили ужин. После ужина разошлись по местам.

1 сентября [1935 г.]

Ночь. Тихо. Слышу, что меня кто-то зовет. Оглянулся, смотрю – стоит Лебедев и говорит: «Собирайся. Сейчас ночью мы поедem на о-в Муостах на буксире «Чайка». Пришлось встать ни свет ни заря. Собрал кой-какие вещи, забрали ещё продуктов и на шлюпке перевезли их на «Чайку».

Было совершенно тихо. Вместе со мной поехали также начальник зимовки Тикси Д.Я.Гонцов, старший геофизик С.В.Шимановский, старший гидролог Николай Жемчужин, механик острова Мостах В.Николаенко. Тов. Лебедев, помощник начальника, перед отъездом сказал нам, чтобы мы не опускались и имели всегда нормальный вид («брейтесь и т.д.).

Всего ехали мы на «Чайке» два с половиной часа. Высадились на берег и, захватив продукты, мы направились к дому. Входим в одну дверь: стоит движок небольшой. Входим дальше в дверь из одеял. Знакомлюсь с метеонаблюдателем Голубевым.

Опишу вид дома, в котором, наверное, придется прожить два года. Пола почти нет, стены не конопачены, одна только рама, и та – половина без стекол. В потолке видны щели и крыши тоже нет. Вывод: жить в этом доме невыносимо! Надо его ремонтировать, и как можно скорее.

2, 3 и 4-го ходим по острову и подбираем все доски, которые вынесло море на берег. Очень много плавника, так что дрова на зиму будут. Сегодня, 4 сентября [1935 г.], решил написать письма домой и всем знакомым: ввиду сильного и холодного восточного ветра работать не пошли.

21 сентября [1935 г.]

Прошло двадцать дней, как мы живем на острове. Все эти дни мы готовимся к зиме, и к 13-ому числу уже настлали пол. После этого взялись за потолок: перебрали его, сверху насыпали песку. Дело теперь за крышей, но сильные восточные ветра, которые сейчас уже дуют с пятидневку (12-13 метров в секунду) не дают её доделать.

До 17 сентября вместе с нами жили работники, обслуживавшие маяк. Это – Максим Сергеев, Андрей Васильевич Перевалов (якут). И вот, сидя вчетвером вечером около печки вдруг открывается дверь и входит человек. Он объявил, что приехал, чтобы снять работников с маяка и увезти их в Якутск.

И вот мы с ними простились, и нас во всем доме осталось двое, то есть механик Николаенко и я. Стало свободнее и тише. Я ежедневно веду метеорологические наблюдения. В программе ещё мало значений, так как термометры без сертификатов,

дождемер без защиты, а флюгер еле вращается – вот и всё.

Нас сильно волнует, почему к нам до сего времени не приехали и не завезли нам ни метеооборудование, ни радио, и даже не привозят продуктов, которые у нас уже заканчиваются. В то время, когда здесь был начальник Д.Я.Гонцов, он заявил: «Через три-четыре дня мы приедем обязательно», а вот прошло уже двадцать дней, а они и не думают ехать к нам. Мне уже кажется, а не собираются ли они отменить эту зимовку на этот год.

Настроение пока хорошее, и скучать было некогда. Лишь только часто вспоминаю о знакомых, о семье Фетисовых, Аве... Писем ещё ни от кого не получал.

Во время сильного ветра сижу около железной печи и читаю книги. Сегодня в особенности сильный ветер, сильные и громадные волны лезут на берег. И как приятно стоять и смотреть на это взбушевавшееся море!

22 сентября [1935 г.]   Когда снимали работников с маяка, то начальник Гидрографического управления т. Пестов попросил механика, т. Николаенко, поработать несколько ночей на маяке, чтобы на нем был свет, так как, возможно, ещё будут проходить суда.

По состоянию мотор очень плохой. Или уж такой механик: не может работать, а всю вину сваливает на мотор. В общем заводим его по часу, а то и два. И вот сегодня, навертевши вечером досыта ручку у мотора, я измучился, как черт, и решил лечь спать. А он [Николаенко] один остался заводить его. Не могу точно сказать, сколько он времени его заводил, но когда он меня разбудил, свет уже горел в комнате, так как часть энергии от мотора мы употребляем для освещения в комнате.

Николаенко мне сообщил, что он на море видит огни (вероятно, катер), которые движутся в нашу сторону. Но ветер ещё не стих. Сильные ветра разгоняют волны, кото-рые свирепо лезут к нам на берег и как бы хотят захватить с собой нашу маленькую хи-жину. Но до неё далеко, и из этого ничего не выйдет.

Я встал, оделся и вышел: действительно пришел катер, и он уже встал на якорь недалеко от берега. Я очень обрадовался, что наконец-то к нам приехали. Но вот беда: как они смогут добраться до берега в такую ненастную погоду?

Вдруг огни на катере погасли, и стало так темно, как будто бы и никто не был здесь и нам, наверное, всё показалось... Но нет, они, видно, решили лечь спать, а завтра с утра, возможно, что и успокоится море и они приедут к нам на станцию.

Так оно и вышло. Утром непогода утихла, и мы теперь видим, что на катере зашевелились, загремели, и через небольшой промежуток времени от катера отошел баркас (громадная лодка), заполненный людьми и грузом. Скоро они подъехали и высадились на берег. Здесь приехали мои друзья – Борис Дромбович и Володя Тавровский, а также старший гидролог Николай Павлович Жемчужин. Приехал А.А.Хромешин, Лебедев, бу-дущий радист у нас на Мостахе – Колобродов, механик с катера т. Малиновский и его помощник Виктор (между прочим, он очень хороший парень), и ещё приехал геофизик для установки метеорологической станции С.В.Шимановский.

Была радостная встреча. Они интересовались, как мы здесь живем вдвоем. Оказывается, произошло некоторое изменение в составе нашей зимовки, и вот какое: по приказу на нашей зимовке должен был быть и старший по зимовке, и радиотехник товарищ Кондрашев, но ввиду того, что он приехал с женой (для работы счетоводом в порту), то уезжать от неё за 50 км ему, наверное, не захотелось, поэтому он от этого дела увильнул, а вместо него прислали радиста Колобродова, а старшим по зимовке назначили нашего механика Николаенко. Я очень душевно недоволен, что его назначили старшим, так как он мелочный человек. И вообще очень будет с ним тяжело зимовать: за каждую мелочь он ругается как ломовой. Но поживем, там узнаем. И если он такой и останется, тогда уж будем действовать иначе – через комсомол и партячейку.

27 сентября [1935 г.]

Прошло четыре дня, как у нас идет бурная стройка. Идет установка радиоаппаратуры, метеоприборов, нового мотора. «Новый мотор» – как это хорошо звучит! Может быть, его легче и меньше придется заводить.

И вот сегодня снова пришел катер, но уже за людьми, которые здесь были [нужны] только для помощи и для установки метеорологических приборов. На катере приехал

Д.Я.Гонцов.

И вот все мы собрались около станции, подняли флаг, и начальник Д.Я.Гонцов произнес небольшую речь о значении нашей станции на севере и что эту станцию с сего дня считать открытой. В честь этого полетело громкое «ура» и залпы выстрелов.

К вечеру все уехали, и нас осталось трое. Правда, это ненамного, но всё-таки больше двух.

1 октября [1935 г.]

Связи нет: Колобродов не может её наладить. Море замерзает, температура ниже 0°С. Жизнь пошла по-прежнему: дооборудовали комнату и пристройку для продуктов.

21 октября [1935 г.]

] Да, много дней я не писал, но что сделаешь, когда почти каждый день – авральные работы! И вот сегодня их нет, потому что сегодня наш начальник Николаенко ушел на полярную станцию Тикси. Ушел он по причине того, что нет связи, так как Колобродов не может её наладить.

22 октября [1935 г.]

Итак, нас опять двое. Ох, уж лучше бы одному остаться, чем оставаться с таким человеком, как Колобродов! Он, чувствуя, что его отсюда снимут как не справившегося с работой, все время ходит хмурый, мало разговаривает, и вообще он малоразвитый парень, или, может быть, всё не так, но я этого не думаю.

Светит северное сияние, на улице тихо, и вот, сидя ночью около дома, невольно вспоминаю мое родное село Спас, моих родных и знакомых... Вот опять мысль останови-лась на доме, где живут хорошие, добрые люди. Как много они мне помогли в тот момент, когда мне было трудно! И мне этого не забыть никогда. Это дом, где живет семья Фетисовых – дом, в котором я провел два года молодой жизни. Как далеко они сейчас! Тысячи километров отделяют меня от них. Между нами выросли ледяные поля, и трудно теперь сказать, когда мы увидимся. Но мы всё же увидимся. Хочется мне, чтобы Борис и его милая мамаша, которую я люблю как родную, постояли бы вместе со мной, полюбовались бы северным сиянием, которого там, в Москве никогда нет. Так же далеко

где-то Ава. Очень интересно, что она сейчас делает...

26 октября [1935 г.]

Сегодня приехал начальник зимовки Николаенко, привез с собой метеоролога – моего приятеля Юрия Романенко и радиотехника Ваню Шалагинова вместо Колобродова. На следующий день Колобродов уехал на собаках. Теперь связь налажена. Послана первая телеграмма с Мостаха домой брату Косте.

1 ноября [1935 г.]

Связь налажена. Ежедневно четыре раза в день посылаем метеосводки. Ваня работает хорошо. Он мне очень и очень понравился. Он очень хороший товарищ, и я его полюбил как лучшего друга нашей зимовки. Мне кажется, что моя любовь к нему так и останется до конца зимовки, ибо лучшего товарища и друга, как он, на зимовке найти трудно. Что касается товарища Николаенко, то он стал относиться [к нам] лучше.

6 ноября 1935 г.

Все эти дни мы готовились встретить праздник 18-ой годовщины Октября. Здесь на севере вчетвером мы готовимся встретить его как следует. Очень много по этому поводу разговоров: как его провести. Пурга, начавшаяся ещё вчера, не стихает, а наоборот усиливаётся, доходя до 28 м/сек. Такого ветра в Москве никогда не будет, да ещё со снегом, но нам это сейчас не может помешать, ибо мы с Юрием – метеорологи, и нам необходимо выходить на улицу, идти на метеоплощадку и делать наблюдения. Всё время ходим вдвоем, чтобы быстрее провести наблюдения.

И вот мы решили, что завтра с утра дома будем праздновать этот праздник, а сегодня в обед решили предварительно выпить. Развели спирта и по стаканчику (психрометрическому) выпили.

Ваня Шалагинов выпил больше всех и через некоторое время стал уже похож на выпившего. Ваня стал усиленно возиться у радиоприемника. В это дело влез товарищ Николаенко: он запрещает Ване слушать другие станции. И вообще – весь этот день мы почему-то все ругались. В конце дня мы сидели злые и уже больше не думали о празднике, а товарищ Николаенко, вместо того, чтобы погасить огонь, ещё сильнее его разжигал, так что уже было видно, что праздник пройдет плохо.

7 ноября [1935 г.]

Непогода стихла, словно знала, что мы готовимся встретить Октябрь. Но, увы, как плохо прошел у нас праздник! С утра – чай на столе и всё самое лучшее, что есть у нас: белый хлеб с изюмом, вино, сыр, масло, колбаса, печенье, конфеты, галеты и даже по плитке шоколада и по десять хороших папирос («Нева»).

И вот, сидя здесь, я пишу дневник, а сам покуриваю папиросу. Ни у кого нет настроения после вчерашнего дня. Все расселись по своим углам и заняты своими мечтами. Я лишь могу записать свои, ибо кто знает, что они сейчас думают...

Я думаю о следующем: что где-то далеко на юг за этими ледяными полями, за много тысяч километров, в Москве, готовятся встретить праздник. Сейчас дома тоже справляют праздник, и вот через несколько часов, а может быть и сейчас, колонны демонстрантов идут по Красной площади, доказывают свою преданность нашей Партии, готовые в любой момент пойти на защиту нашей Великой Родины. На трибуне наши любимые вожди: Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин, Микоян, Каганович. О, как хорошо бы быть вместе с ними в Москве. Но ничего не сделаешь: мы в Арктике, мы идем тоже вместе с ними, мы живем одной семьей и у нас одни цели, несмотря на то, что мы так далеко от них. Но одно плохо – то, что сегодня так плохо проходит наш великий праздник.

С Ваней Шалагиновым мы живем очень дружно. Я не знаю почему, но я пишу от сердца, что у Вани хороший характер, и мне кажется, что с ним я буду всегда в хороших отношениях и в трудный момент он мне поможет.

Давно послал телеграмму брату Косте, но ответа всё нет. Сегодня послал ещё приятелю Борису телеграмму. Но буду ждать: может быть, скоро придет ответ, а то ведь уже три месяца я не имею никаких сведений.

13 ноября [1935 г.]

Настала хорошая погода, светит северное сияние. Жизнь опять пошла по-старому. Дежурство ведем по суткам. Через трое суток дежуриим по кухне: готовим обед, чай и ужин. Ваня сегодня весь день возится с радиоприемником. Настроение у него сходное, иногда что-нибудь скажет посмешнее. Если бы его не было здесь, то было бы ещё скучнее. Он всё время сидит у радиоприемника иногда сообщает наши новости, что поднимает дух и настроение.

Сегодня я с Ваней сыграл в «струнном оркестре»: он на балалайке, а я на гитаре. Вышло недурно, несмотря на то, что мало у нас вещей для игры.

В десять часов вечера получил телеграмму, но она такая странная и от кого она – даже не пойму, и я её даже не принял. Вот она какого содержания: «ТИКСИ БАЛЫГИНУ ТЕЛЕГРАММУ ПОЛУЧИЛИ ПАПА БОЛЬНОЙ НА ПЕНСИИ У НЕГО РАК МАМА». Вот и пойми её: папа болен, а его уже два года как нет, он умер. Думаю только, что если от семьи Фетисовых. Но почему пишет мамаша, а не Борис? Вот странно. А от родных не получал ни одной. Даже не знаю, как живут Николай и Сашка, а также и моя мамаша. Посылаю ещё одну телеграмму. Что уж из этого получится, не знаю.

20 ноября [1935 г.]

Наступила полярная ночь. Солнце больше уже не восходит, но днем ещё пока немного светло – как в Москве во время сумерек.

Сегодня тихий день, но я не ожидал, что такой день, как сегодня, принесет нам, вернее лично мне, тяжелое чувство. И вот этот день прошел, но я не могу ещё успокоиться и кое-как пишу этот дневник. Откладывать это нельзя, ибо завтра уже его так не опишешь.

Опишу всё подробно. Дело было так: сегодня после завтрака мы решили пойти за льдом на пруд. Дежурный метеоролог сегодня Юрий Романенко. Он составил метеорологическую сводку и передал её на рацию радиотехнику Ване Шалагинову. Передача сводки была назначена на 8 ч 30 мин, но по каким-то причинам рация Тикси не явилась, и сводка не была передана.

Юрий запросил у Вани Шалагинова причину задержки сводки, но Ваня говорит, что причину он не скажет. И вообще он говорит, что он никогда не скажет все причины задержки, ибо это есть секрет по радио.

В общем у них вышел спор, правда, недолгий, но это уже не первый раз из-за этих метеосводок. После завтрака Николаенко оделся и пошел за льдом. Вслед за ним пошли

Юрий и я, а Ваня остался дома, так как он дежурный по столовой.

Я догнал товарища Николаенко и завел с ним разговор по поводу того, как можно было бы сделать так, чтобы вообще у нас не было ругани, хотя бы из-за этих метеосводок. Он сказал, что надо давать ему расписываться в получении сводки и более ничего. Я с этим согласился, и больше у нас никаких разговоров не было.

Наколов льда, я и Юрий пошли посмотреть на наши капканы, установленные несколько дней назад, а Николаенко сразу пошел домой со льдом.

Мы проверили капканы и убедились в том, что в них ничего нет. Мы вернулись на пруд за ведрами, в которых находился лед, взяли их и направились к дому. Николаенко уже скрылся из виду и уже был, наверное, дома. Вот только сейчас, идя со льдом, я подумал, что он может черт знает что наговорить Ване с нашего малого с ним разговора.

Так оно и получилось. Я так предполагаю с Ваниных слов, он дает намек, что, мол, пишите телеграмму своему геофизику Шимановскому о том, что я [видимо, Балыгин Михаил – прим. редактора] не даю причину задержки метеосводок [...]. Из этого я вывел, что у них был разговор без нас, и Николаенко слишком много наговорил лишнего. Я чувствую, что Ваня говорит неправду, и хочется ему наедине сказать, что всё это ложь, что за углом я вообще ни о ком не говорю, ибо зачем мне это здесь делать, когда придет время, меня вызовут в комитет и там попросят дать отзыв. И я дам его такой, какой есть на самом деле. Я не люблю подлизываться под начальство, а люблю правду, сказать всё, что есть на самом деле и указать свои недостатки. Что Ваня – хороший работник и товарищ, этого я не могу скрыть, какие бы у нас с ним ни были отношения.

И вот как низко и позорно было говорить пустые слова, да ещё кому – старшему по зимовке Николаенко! Для какой это цели это он сделал, я не знаю. Но мне кажется, что Ваня не будет этому долго верить.

Да, это небольшая ссора, и если кто-либо будет читать мой дневник там, на материке, наверное, подумает, что из-за такой мелочи получилось такое дело.

Да, друзья, такие вот мелочи-то и бывают на полярной станции. Ведь надо понять одно: что у нас четыре человека [всего], и у тебя только три человека, с которыми ты повседневно встречаешься. И вот если у тебя убудет [из общения] один человек, хотя и на время, то это очень тяжело, да ещё такой человек, которого ты всех больше уважаешь и любишь за его товарищеское отношение к ребятам и к работе.

23 ноября [1935 г.]

Вчера получил телеграмму от брата следующего содержания: «ТИКСИ МОСТАХ БАЛЫГИНУ ЖИВЕМ ПО-ПРЕЖНЕМУ ДЕНЬГИ ПОЛУЧАЕМ ПРИВЕТ КОСТЯ». Наконец-то я успокоился: там всё в порядке. И на душе стало легче, а то ведь уже четыре месяца я не получал из дома вестей.

Дела у нас, можно сказать, пошли опять по-старому, как будто бы и ничего не было. Вчера была зарядка аккумуляторов, и весь вечер горел электрический свет. Мы воспользовались этим моментом и занялись фотографированием. Сняли отдельно радиотехника Ваню Шалагинова за работой, потом сфотографировался Юрий Романенко, а после него я и Ваня сфотографировались вместе, чему я был очень рад, потому что давно хотелось мне с ним сфотографироваться.

Ночью эти снимки проявили. Получилось всё неплохо.

Как ни странно, а всё-таки прошла моя глубокая обида за его поступок, который он только два дня тому назад совершил (он – это Николаенко). Он хотел сделать номер в

его пользу, а вышло как раз наоборот. Николаенко у нас старший по зимовке. Он как бы является начальником зимовки. Но он какой-то безавторитетный человек. И если бы кто-либо сейчас незаметно [для нас] пожил несколько дней, то ясно бы увидел действительность этого положения. Несмотря на то, что некоторые вопросы и должны решаться совместно с ним, но обычно это делается без него.

А Ваня – совершенно другой человек. Был на флоте, узнал море, прошел службу на флоте – всё это сделало его авторитетным человеком, [можно даже сказать] любимым парнем всей зимовки. Он никогда не отказывается помочь в любой момент любыми способами. Если требуется рассмешить, чтобы рассеять всякие думы, он делает это. Если [нужно] помочь в работе, никогда не откажет. И если [мы] просим узнать новости из эфира, он и это делает. Сегодня утром даже слушали новости из Москвы.

И вот у Николаенко была мысль: если он сумеет разбить эту дружбу, то тогда, мол, он сделает большое дело для того, чтобы самому стать авторитетней, ибо он думал, что тогда только и буду с ним разговаривать. Но, увы, как он ошибся! И он это видит сам. Но что поделаешь. В следующий раз не будет он этого делать.

Ваня, видно, тоже ему не поверил, и вместо того, чтобы разъединиться, мы, наоборот, ещё дружнее стали с ним. И я это сам замечаю. Это для меня очень хорошо, ибо кроме как Ваню, я на нашей зимовке уважать так никого не буду.

8 декабря 1935 г.

Глубокая полярная ночь. Уже скоро месяц, как не восходит солнце. День очень ма-ленький. Вернее, только рассветает немного (часа на два), и снова наступает ночь.

Да, эта ночь... Из-за неё приходится сидеть всё время дома, от чего увеличиваются споры из-за всяких мелочей. Несколько дней тому назад я поссорился с метеорологом Юрием за его халатное и невнимательное отношение к работе. Он очень сильно обиделся. Ну и пускай обижается. Мне надо будет сдавать весь собранный научный материал, так как я являюсь старшим метеорологом. Но на сей день у нас с ним опять всё наладилось, и всё пошло по-старому, как будто бы и ничего не было.

Крупная ссора произошла между Николаенко и Ваней Шалагиновым по поводу его

работы. Николаенко хотя и ничего не знает по радио и метеорологии, а везде сует свой нос. Вот Ваня на него и психанул (это на нашем языке значит «поругался»). Дело дошло до того, что Ваня написал письмо начальнику полярной станции Тикси Гонцову про Николаенко, что он везде лезет, а Николаенко, в свою очередь, тоже Гонцову про Шалагинова, что он его не слушает. Гонцов является начальником полярной станции Тикси, к которой и принадлежит наша станция на о-ве Мостах. Интересно, чем у них кончится дело. Но будет очень жаль, если возьмут отсюда Ваню, хорошего товарища, ведь всегда вера больше начальнику, что бы он ни сказал.

У меня заболели зубы. Об этом было сообщено Гонцову: у них есть врач. Последовал ответ, что, как только будет хорошая погода, пришлют нарты и меня отвезут к врачу для удаления зубов. Так что скоро мне придется прокатиться на собаках 50 км.

Ветер, дующий уже несколько дней, не прекращается. Сидим всё время дома и мало разговариваем. И вот теперь-то и настало время, когда надо и хочется вспомнить свою родину и знакомых. Да, как сейчас далеко, далеко, через это замерзшее торосистое море, через тундру, через тайгу и далее, далее на юг, где-то под Москвой расположено моё родное село Спас, в котором я родился и в котором я провел свои юные, молодые годы. Да, остались лишь только одни воспоминания о моей молодой жизни, в которой было пережито так много трудностей и горя. Даже сейчас не в силах взвесить я всего пережитого. Мало было радостных дней у меня. Почему-то о большинстве из них [у меня] были туманные и нерадостные [воспоминания]. Лишь иногда были счастливые дни, которых было больше перед моим отъездом. Это те дни, когда мы вместе с Авой встречались и уходили гулять вдвоем. Но, увы, как их мало! И будут ли они опять, когда я приеду из Арктики? Единственный человек, Ава, с которой мы решали все наши наболевшие вопросы. Я всё без исключения рассказывал ей, и становилось как будто бы легче от этого. Да... Но это теперь только мечты. Неужели наступит тот день, когда я опять со своей любимой по детству девочкой буду вместе или, может быть, её уже больше в девушках не будет, и тогда она уйдет совсем от меня, нанеся мне тяжелый удар.

12 декабря 1935 г.

Получили сообщение, что выехали нарты, везут нам керосина, рыбы и хлеба.

Около двух часов дня вдали показались нарты, и через полчаса упряжка собак подъехала к нашему дому. С нартами приключилось маленькое несчастье: при наезде на торосы был сломан один полоз, и все вещи, которые они везли к нам, остались на месте аварии. Вскоре полоз отремонтировали, и Юрий с каюром Ваней отправились за

оставленным в море вещами.

Светила луна, поэтому легко было ориентироваться по старому следу. Через два часа они вернулись обратно, захватив с собой все вещи. Опишу немного каюра Ваню. Якут, молодой парень лет двадцати. Работает в Тикси уже второй год, и не один раз уже бывал во многих местах нашего района, а также и у нас на острове Муостах. Видно, что парень очень мало развитый, но зато он много знает о здешней пурге. У него масса рассказов о случаях из его личного опыта, когда пурга заставляла его в море.

Он сообщил нам, что с этими нартами должен уехать и я в Сого для лечения зубов. Я, конечно, был очень доволен, что наконец-то я дождался дня, когда буду иметь возможность увидеть всех знакомых по дороге и по совместной работе, а также возьму весь научный материал, собранный за три месяца, сдам его на проверку и получу инструктаж.

Встав раньше обычного, мы позавтракали, уложили вещи. В восемь часов тридцать минут я взял у ребят письма, забрал научный материал, попрощался с оставшимися и сел в нарты. Всю работу по метеорологии поручил Юрию Романенко.

Светит луна, погода очень хорошая, благоприятствует нашей поездке. Скоро скрылся из вида наш дом. Впереди около сорока километров по льду до полярной станции Тикси. Собачья упряжка везет очень хорошо. Я погрузился в воспоминания о моей родине и [в мечты] о том, как я буду встречен в Тикси. Мой каюр Ваня напевает про себя какую-то якутскую песню. Изредка приходится сходить с нарт и бежать за ними, чтобы разогреть застывшие ноги или если впереди видны торосы, через которые труден проезд на нартах, в которых имеется груз. Собаки, чувствуя облегчение, с большей силой начинают бежать, и порою их даже очень трудно догонять.

Вскоре показались Караульные Камни: это большие глыбы из камня, торчащие в заливе. Около них как раз будет половина нашего пути. Через полчаса мы их миновали. Впереди виден мыс Косистый, от которого до полярной станции Тикси 20 км.

На мысе Косистый имеются строения. Это остатки рыбацких построек. Рыбаки живут здесь только летом. Но вот около гор показались маленькие точки. Они стали расти,

и вскоре вполне можно было различить строения, радиомачты. Всего четыре месяца назад я уезжал отсюда на Муостах. Собаки, почуяв близость строений, припустились ещё сильнее.

В 12 ч 30 мин, то есть после четырех часов в пути, мы прибыли в Тикси. Первым делом я направился в столовую в надежде встретить там кого-либо из зимовщиков, но напрасно. Никого там не было: все на работе. Тогда я направился в обсерваторию, и вот там-то я и встретил своих знакомых по работе метеорологов. Они уже давно знали, что я должен был приехать. После того, как я сдал весь научный материал, который я привез к ним, мы направились в столовую, так как скоро [там] должен был накрываться стол.

По дороге в столовую я встретил Валентина Самарина (это приятель Вани Шалагинова) и ему от него было письмо, которое я ему сразу и вручил. Валентин пригласил меня посетить их синоптическую комнату. Комната на первый взгляд ничего, но очень холодная. Лежит масса синоптических карт.

После посещения этой комнаты он [Валентин] пригласил меня в свою жилую комнату в этом же доме. В этой комнате живет четыре человека, она вполне свободная и теплая.

Меня познакомили с Васей. Это радист, приехавший с полярной станции Омолой. Там он зимовал год. Этой навигацией направлялся в Москву, но не успел на пароход, и вот теперь зимует второй год. Парень очень хороший (да, для меня, я почему-то всех считаю хорошими ребятами).

Мы направились в столовую. В столовой меня хорошо приняли, так как я был новый человек. За стол я сел вместе с Жемчужиным (старший гидролог), который, конечно, стал интересоваться нашей работой и жизнью на острове.

После обеда я пошел в комнату гидрологов, сдал им материал наблюдений за льдом и уровнем моря.

Перед ужином я познакомился с Петей Макаровым – комсомолец, повар, который должен был ехать на станцию Омолой, но его оставили в Тикси. Очень живой и веселый парень. Здесь ещё были ребята с Омолоя: Сеня (каюр) и Вадим Смирнов (метеоролог), с которым я занимался в одной группе на курсах в Москве.

В столовой меня увидел начальник полярной станции Тикси Д.Я.Гонцов. Он пригласил меня для переговоров с ним. Первые вопросы он мне задавал поверхностные: о состоянии нашей зимовки. А потом, когда речь зашла о том, что у меня имеются к нему письма, он попросил, чтобы я их принес. Я выполнил это. И первое письмо, [которое] он открыл, было от Николаенко. [Он – Гонцов] начал его читать. Сильно смутившись, он мне вычитывал основные пункты, которые ему казались очень опасными. Чего только здесь ни было написано – и правда, и ложь. Это может писать лишь человек, потерявший авторитет, и только чтобы ухватиться за последнюю надежду, что его вернут. Но это навряд ли когда будет. Так может действовать мелочный, невежественный человек, стараясь заработать какое-то доверие от начальства. Но напрасно он [Николаенко] так думал. Надо действовать по-другому. Из этого у него заведомо ничего не выйдет.

Некоторые выдержки я приведу: якобы Шалагинов не выключает накала после работы; что якобы он все время ругает начальство Тикси и Мостаха за бардачную постановку и работы; что он не встает к завтраку и много-много других мелких совсем неверных сведений. Например, якобы Шалагинов спит, когда его вызывают, и мы не знаем, проснется он или нет; что накал включают метеорологи и т.д. и т.п. И вот выводы из этого делайте сами.

Что я мог ответить на это Гонцову? Сказал ему, что половина из написанного является ложью, и просил его, чтобы он сам приехал и уладил все вопросы на месте. Он [Гонцов] согласился с этим, сказав мне, чтобы я передал Николаенко, что всё, что он написал, это мелкие вещи и можно их уладить самим. В недалеком будущем он должен приехать сам.

Ночевал я у Валентина Самарина. Он лег на полу, а я – на его кровати (это так встречают у них гостей).

На следующий день я пошел в порт залечивать зубы. Порт находится в 8 км от полярной станции Тикси. Здесь в порту я увидел опять много знакомых ребят, которые ехали вместе со мной. Они стали расспрашивать, как мы живем и работаем, и сильно, конечно, удивились нашей обостренной жизни на нашей зимовке.

В порту идёт очень много работы: установка радиомачт для радиоцентра, который будет работать прямо с Москвой. С радиоцентра я направился в амбулаторию, где мне залечили два зуба.

Перед тем, как идти в амбулаторию, я зашёл на шхуну «Полярная звезда», зимующую здесь. На шхуну у меня было письмо Игорю Монастыреву от Юрия, который знал его раньше. Я лишь только сегодня познакомился с ним [с Игорем Монастыревым].

Пообедав в порту, я направился в Сога. То есть на полярную станцию Тикси я вернулся часов в шесть вечера. Пошел прямо в кают-компанию, откуда доносились звуки рояля: на нем играли Люба Чусова и Сеня-каюр. Как приятно было послушать музыку после этой тихой и «спокойной» жизни на о-ве Муостах!

15 декабря [1935 г.]

Снова ходил в порт, к врачу с зубами, и уже теперь он мне их вылечил.

С 16 по 21 [декабря 1935 г.] пурга.

Сильный ветер со снегом дул все пять дней. Никаких особых изменений в жизни не было. Все дни я проводил у Валентина и у него ночевал. Ох, и надоела эта пурга! И вот, в один вечер, пурга уже стихла. Это было в ночь на 21-ое.

Мы с Валентином пошли гулять вокруг полярной станции Тикси. Но ветер ещё не совсем стих, и мы, хорошо прогулявшись, дошли до обсерватории, взобрались на метеорологическую вышку. Мы с ним [Валентином] долго стояли на ней и интересовались работой метеорологических приборов, установленных на ней. Всех интереснее прибор аэромес, который будет радировать самостоятельно температуру и ветер, когда он будет установлен отдельно на горе.

Мы решили пойти обратно, и вот тут-то мне не повезло: я нечаянно попал под крыло

аэромеса, которое стукнуло мне по голове, да так сильно, что я еле удержался на ногах. На помощь ко мне пришел Валентин, который помог мне сойти с вышки, и мы отправились с ним к врачу. Дорогой решили не говорить правильную причину моей боли, а ска-зать, что, мол, вот случайно налетел на дверь, а то ведь здесь тогда поднимут на смех, да ещё кое-что прибавят.

Но всё обошлось благополучно, и на этом всё кончилось. Скоро пурга стала стихать и...

22 декабря [1935 г.]

пурга совсем стихла. Меня попросил М.Ф.Лебедев, чтобы я пошел в порт дня на три для авральных работ по подъему мачт для радиостанции. Я согласился и в этот же день направился на место назначения.

Я пробыл в порту четыре дня. Потом меня вызвали и сообщили, что 27 декабря я должен выехать на о.Мостах.

В порту ничего нового. Никого я там не встретил. Там, как в уездном городе – много народу и совсем непохоже на зимовку. Поэтому я не считаю нужным описывать жизнь порта.

27 декабря [1935 г.]

День моего отъезда из Сого на остров Муостах

Утром позавтракали, поговорили, выезжать или нет. Решили пока, что нет, так как погода плохая, туман и идет снег, видимость очень плохая. Через полчаса погода не улучшается. Но всё-таки решили ехать.

У меня мой старый спутник – Ваня-каюр. Взяли компас и, попрощавшись, с кем только было возможно, мы тронулись в путь.

Первые двадцать километров мы проехали очень хорошо, так как был ориентир – горы у берега. Но вот берег кончился. Мы меняем курс (по компасу) прямо на остров и выходим в море.

Погода всё ухудшается: туман и идет снег. Берега совсем не видно. Часто делаем остановки и проверяем наше направление. Но вот показались Караульные Камни. Это значит, что полпути пройдено. Осталось ещё столько же. Недолго было видно эти камни: скоро они тоже скрылись из виду.

Идет слабый снег, видимость очень плохая. Мы стали сомневаться в том, верно ли мы взяли путь и не сбились ли мы с дороги, так как вот уже несколько часов мы блуждаем по морю, а острова нет. Решили сделать ещё один переход и дальше пока не продолжать путь: будем ждать до ночи, а ночью, если мы недалеко от острова, увидим сигнал (зажгут костер). А если и сигнала не увидим, то будем ночевать в море.

Но вот Ваня-каюр кричит, что он увидел сигнал. И действительно, не так далеко пылал костер, на который мы взяли курс, и минут через двадцать мы подъехали к нашему дому.

Собаки встали. Опять я увидел трех моих товарищей: Юрия, Ваню и Николаенко. Вошли в натопленную комнату. И как уютно кажется в ней после такой поездки! У Вани я узнал, что у него с Николаенко всё без изменений.

1 января 1936 г

Новый год. Сегодня накрыли стол с большим выбором, и даже есть вино в честь Нового года. Изрядно поевши и выпив вина, мы немного повеселели, но не то, что должно было бы быть. Мы не должны повесить головы и смотреть только к себе в чашку. А всё потому, что неумение Николаенко руководить, так как это должно быть на севере, вызвало у всех возмущение его поведением.

7 января 1936 г.

День моего рождения. Я взял у начальника две бутылки вина, и во время обеда мы их распили. В честь моего дня рождения пожелали мне успехов в жизни и в женитьбе, когда приеду на материк. Да, вот здесь на севере, далеко от дома, мы

справляем этот праздник, в то время как там, наверное, и позабыли о моем дне рождения.

26 января 1936 г.

Да, долго я не писал: не было настроения записывать всякие мелочи. Но сегодняшний день замечателен тем, что сегодня кончилась полярная ночь и в первый раз взошло солнце. Этот день мы отметили выпивкой в честь восхода солнца.

8 февраля [1936 г.]

Приехал с Омоля начальник зимовки Хворостанский и задержался у нас. Едет он на полярную станцию Тикси по нуждам станции. Он рассказал нам о своей зимовке и удивился, что так тесно мы живем в одном доме, но в то же время сообщил, что [в таком случае] меньше дров надо пилить.

В этот день вечером он выехал в Тикси.

13 февраля [1936 г.]

Во время проверки дымохода на чердаке т. Николаенко сорвался и упал, при этом он сильно разорвал себе правую руку гвоздем. Необходимо оказать ему первую помощь.

Мы сообщили об этом в Тикси, чтобы [оттуда] выслали нарты.

14 февраля [1936 г.]

Так как Николаенко должен уехать в Тикси для лечения раны, мы произвели зарядки аккумуляторов. Во время зарядки произошла авария: динамо сгорело или размагнитилось.

Шалагинов с Николаенко всё ругаются. Дальше жить так нельзя. Надо кого-нибудь отсюда убрать. Наверно, уберут Шалагинова.

15 февраля [1936 г.]

Приехали нарты, взяли Николаенко. За старшего по зимовке остался я, согласно телеграмме Гонцова из Тикси.

ЗАПИСЬ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ

Сегодня 16 февраля 1937 г. я нахожусь на полярной станции Тикси. А как это получилось?

Через несколько дней [после того], как Николаенко уехал, он вновь вернулся, а также с ним приехал новый радист Вася Глухов. Приехали они на машине.

Было устроено собрание, где нам сказали, что Шалагинов должен уехать обратно, так как ему необходимо отдохнуть после маленькой зимовки.

Машина у нас потерпела аварию и простояла дней 15 в ожидании ремонта. Потом её отремонтировали шофер Саша Кабанов и Миша (тоже шофёр). И они уехали.

Опять пошла жизнь вчетвером. Но вот беда – опять я, Юрий и Вася Глухов жили хорошо, а Николаенко опять ворчит и ворчит, а в феврале даже рискнул проводить вредную теорию для зимовщиков. Юрий, а также и я сумели дать ему хороший отпор. Например, Николаенко говорил, что «у нас в снабженческих организациях сидят жида и ихнее засилье там» или «стахановцами у нас считают тех, кто много говорит». Вот такие реплики, чуждые нам, получили хороший отпор. Это ещё подтверждает, что коллектив у нас был здоровый.

Но вот прошло два месяца, а так как Глухов должен был уехать, то его сменил радист Володя Виллер. Это было 28 апреля.

15 июля 1936 г.

А уже к первому мая 1936 г. приехал из Тикси повар Петя Макаров, и как бурно, как приятно мы провели день 1 Мая! Это один из лучших дней изо всего нашего года. И это объясняется, конечно, тем, что присутствовал Петя Макаров – живой, веселый комсомолец, который в дальнейшем также вписал очень и очень многое в нашу жизнь.

За ним (это уже 10 мая) пришли лыжники из порта. Был туманный, теплый день. Ваня Рыжиков сообщил нам, что у нас имеется три комсомольца, и нам необходимо выбрать комсорга. Комсоргом выбрали меня. И вот пошла наша комсомольская жизнь и работа.

Появились куропатки, мы ходим на охоту. Скоро должны прилететь гуси.

20 мая [1936 г.]

приехал для работы Володя Тавровский – комсомолец. Итого нас пять комсомольцев, и один из некомсомольцев и беспартийный был Николаенко.

Жизнь пошла лучше и веселее. Появились гуси и утки. Мы охотились на них тоже. Стало так тепло и хорошо на улице! Появилась вода на льду, солнце перестало заходить, и настал полярный день. Расцвели цветы, и вскрылись озера. Появились забереги.

Мы все живем, за исключением Николаенко, весело и хорошо. Вскоре лед стало ломать и частями уносить в море. Всё больше и больше виднеется чистой воды. Опять лето. О, как это приятно!

Вскоре в стороне Тикси мы заметили, что стали выходить шхуны для пробы после зимней стоянки. Одна из шхун пришла к нам и привезла строителей для постройки дома на второй год зимовки.

Строительство дома началось. Со шхуной приехал комсорг Плоткин Натан. Он мне сказал, чтобы я выехал в Тикси для того, чтобы сделать отчет о проделанной работе по комсомолу.

Я выехал вместе с ними в этот же вечер в порт. О, какая встреча! Я приехал на передающий центр, а там знакомые ребята. На следующий день прилетел из Якутска т. Белокон – помполит начальника по комсомолу, и мы устроили заседание комитета, где я также сделал отчет по комсомолу.

Вскоре я выехал опять на полярную станцию. Повара у нас забрали, а за ним вскоре уехал биолог. Так что нас опять осталось четыре человека да четыре человека строителей.

Скоро строители тоже уехали, и дом остался недостроенным. Несмотря на то, что наступил сентябрь, пароходы ещё не приходили. Тяжелые льды не дают возможности пробраться к нам в Тикси.

Вскоре после того, как уехали строители, я получил телеграмму, [в которой было сказано, что я должен] сдать дела Романенко, а мне самому следует выехать в Тикси для того, чтобы отправиться на зимовку на остров Дунай.

За мной пришла шхуна, и я, попрощавшись с [оставшимися] зимовщиками, уехал. По приезде в Тикси я сразу стал готовиться к отъезду на полярную станцию Сагастырь.

Как только пришли пароходы, мы погрузили наши грузы и направились по новому назначению в Сагастырь. Ввиду того, что место, где находился остров Сагастырь, было мало изучено, нам так и не удалось до него добраться, несмотря на все наши старания. Машина у нас плохо работала, да и компас тоже прилично врал, так как не было известно угла склонения для данного места.

Несколько дней мы пробивались к острову, но сильная мель не дала нам возможности даже увидеть берега дельты Лены. Делать было нечего – мы пошли обратно. Стал

разыгрываться шторм, и к ночи он уже стал настолько сильным, что волны заливали палубы.

Бедные собаки! Как им досталось в эти дни: их обливало холодной солёной водой, и они сразу обмерзли. И так было несколько дней.

Я окончательно заболел. Меня укачало и я слег. Был не в силах ходить, есть ничего не хотелось. О, как я ругал себя здесь в это время за то, что поехал на шхуне в Сагастырь.

Несколько дней мы бродили, пытаясь вернуться обратно в Тикси. Где мы только ни были: например, были почти в устье реки Яны и ещё где-то (точно сказать не могу, так как мы сами тогда не знали точного местоположения).

Благодаря опытному капитану (Вадим Павлович Пай) мы всё же к утру 6 октября прибыли в бухту и встали на якорь.

Какой славный был у нас капитан! Он такой мягкий, добрый и в то же время строгий [и требовательный] к дисциплине.

Море начинало замерзать. Чувствовалось приближение зимы. Уже выпал снег, и горы все покрылись белой пеленой.

Пароходы ушли, и остались здесь одни баржи, груженные только что привезенными продуктами. Несколько дней нам пришлось поработать на разгрузке этих барж.

В начале ноября я вступил на временное дежурство в обсерваторию Тикси, и это дежурство продолжалось до 15 марта 1937 г.

За это время много было праздников, банкетов, а также и именин. Также было много плохих моментов в нашей жизни. В особенности памяты мне гонения на врача Крюкову и всякие другие мелкие вещи. Да, как это всё неприятно переживать на зимовке. Сколько уходит нервов, сил, и всё из-за того, что нет хорошего руководства.

Письма я получаю довольно часто. Больше всех пишет моя сестра Зина. За это я её очень и очень благодарю. Трудно оценить, как приятно читать письма [от родных] в такие тяжелые минуты.

Но вот издан приказ о том, что экспедиции в Сагостырь надлежит немедленно подготовиться к отъезду на тракторе.

Нас останется трое. Это – Кругляков, Будылин и я. Я очень и очень доволен, что с нами едет Саша Будылин.

Начались сборы, заготовка продуктов, оборудования, стройматериалов и т.п. Всё это мы скоро погрузим на сани, и придется нам ехать за 400 км на север, а что там [нас ждет] и какой нам предстоит путь, сейчас я не могу ничего сказать...